

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК 81`42

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.272-280>

**КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЕЖЛИВОГО ОТКАЗА В
КИТАЙСКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Л.Р. Мирзиева¹, А.Л. Семенова²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹*ch_leisang@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0199-3871>*

²*deli96kzn@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4198-7775>*

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению особенностей репрезентации вежливости в китайском и корейском языках на примере ситуации отказа. Для этого мы подробно рассмотрели классификацию, предложенную Б.И. Караджевым, выделили те виды отказов, которые используются для смягчения негативных последствий коммуникации и угрозы лицу как адресата, так и адресанта. Материалом исследования послужили отобранные из лингвистических корпусов китайского и корейского языков диалоговые примеры. Как правило в «конфуцианских» культурах не принято благодарить, тем более принимать похвалу, важно в такой речевой ситуации продемонстрировать скромность, которая выражается посредством принижения своих достоинств и достижений. Следует отметить, что корейское конфуцианство обладает своей спецификой, в частности принципом «ыйри», который призывает заботиться об общественном благе и стремиться к балансу. Это объясняет деликатный и учтивый стиль общения в корейском языке, а также использование неясных, косвенных лексем и речевых оборотов. В китайском языке, для поддержания доброжелательного общения используются количественные квантификаторы и различные этикетные формулы. Так, основываясь на полученных результатах, к списку вежливых отказов был добавлен еще один – скромный отказ на комплимент.

Ключевые слова: вежливость; митигация; отказ; китайский язык; корейский язык; конфуцианство

Для цитирования: Мирзиева Л.Р., Семенова А.Л. Культурно-прагматический аспект вежливого отказа в китайском и корейском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 272–280. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.272-280>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.272-280>

**CULTURAL AND PRAGMATIC ASPECT OF POLITE REFUSAL IN
CHINESE AND KOREAN LANGUAGES**

L.R. Mirzieva¹, A.L. Semenova²

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹*ch_leisang@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0199-3871>*

²*deli96kzn@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4198-7775>*

Abstract. This article is devoted to identifying the features of politeness representation in the Chinese and Korean languages using the example of a refusal situation. For this purpose, we did

not consider the classification proposed by B.I. Karadzhev in detail, but identified those types of refusals that are used to mitigate the negative consequences of communication and threats to the face of both the addressee and the addresser. As a rule, in "Confucian" cultures it is not customary to thank, much less accept praise, it is important in such a speech situation to demonstrate modesty, which is expressed by belittling one's merits and achievements. Confucianism laid a solid foundation for the spiritual and cultural picture of the world of China and Korea, which had a significant impact on the national languages. It should be noted that Korean Confucianism has its own specifics, in particular the principle of "uiiri" (“一理”), which calls for being caring for the common good and striving for balance. This explains the delicate and polite style of communication in the Korean language, as well as the use of unclear, indirect lexemes and speech patterns. In Chinese, quantitative quantifiers and various etiquette formulas are used to maintain friendly communication. Based on the results, another one was added to the list of polite refusals – a modest refusal of a compliment.

Keywords: politeness; mitigation; refusal; Chinese language, Korean language, Confucianism

For citation: Mirzieva L.R., Semenova A.L. Cultural and Pragmatic Aspect of Polite Refusal in Chinese and Korean Languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 272–280. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.272-280> (In Russ.)

В поисках формулы продуктивного общения между его участниками Герберт Грайс, американский философ и лингвист в 80-ых годах прошлого столетия сформулировал модель кооперации, состоящей из постулатов-правил речевого поведения [4]. В последствии Дж. Лич открыл, что в речевом общении есть такой компонент, который толкает коммуникантов нарушать постулаты кооперации чтобы избежать негативных последствий высказываний, например конфликтов и нивелирования других коммуникативных рисков. Исследователь предположил, что это ничто другое как вежливость, другой краеугольный принцип коммуникации, который на порядок важнее других [10].

Важным компонентом вежливости является понятие лица. Упоминание этой категории как о ключевом инструменте для самопрезентации и создания конкретного образа «себя» в глазах окружающих, впервые появляется в трудах американского социолога Эрвинга Гоффмана[3]. Браун и Левинсон развили его теорию и выделили два уровня проявления лица – позитивное и негативное, которые в дальнейшем развились в понятие «позитивной» и «негативной» вежливости. Первый тип связан со стремлением личности продемонстрировать себя с наилучшей стороны, произвести благостное впечатление, демонстрируя симпа-

тию и одобрение, а второй с желанием минимизировать давление на адресата, который стремится сохранить индивидуальность, отстаивать свои убеждения и границы [1, с.28-29].

Несмотря на то, что большинство лингвистов поддерживают теорию вежливости Браун-Левинсон и сходятся в том, что «сохранить лицо» и не ударить лицом в грязь – общечеловеческий коммуникативный паттерн, однако есть и те, кто критикуют положения, выдвинутые учеными, аргументируя это тем, что западное представление о лице в корне отличается от восточного. В результате масштабного лингвистического эксперимента японские исследователи Ю. Мацумото и С. Идэ обнаружили, что «негативное лицо» проявляется не во внутренней интенции сохранять некоторую автономию и независимость во взглядах и действиях, а в потребности осознавать и ощущать «их место и роль в данной ситуации относительно социальных конвенций» [12, с.415-417].

Говоря о китайских исследователях, то следует отметить, что в отношении концепции «негативного» лица, они солидарны со своими японскими и корейскими коллегами. Л. Мао аналогично отмечает расхождение между его общепринятым, «классическим» пониманием в рамках модели Браун-Левинсона и китайским, продиктованным теми же уникальными культурными конвенциями и этическими нормами. Здесь ведущим механизмом выступает риск запятнать репутацию, утратить свой положительный образ в глазах собеседника и окружающих [3].

Помимо «лица», еще одним, не менее важным аспектом вежливой интеракции является коммуникативное смягчение. Оно представляет из себя набор лексико-грамматических, синтаксических и стилистических языковых средств, устойчивых речевых формул, которые служат «поддержанию» лица, устранению конфликтов и недопонимания между коммуникантами. Браун и Левинсон ввели универсальное обозначение для перечисленных инструментов языка – “softener”, так называемые «смягчители, амортизаторы» [1,с.28], во французском языке именуемые “adoucisseurs”, а в отечественной лингвистике –

«коммуникативное смягчение» или «митигация» (с лат. переводится «ослаблять», «смягчать»). Последний был предложен Фрейзером в 1980г. и в последующем, во многом благодаря исследованиям в данной области С.С. Тахтаровой, прочно закрепился в терминологической системе российского языкознания. Сама исследовательница помимо способности коммуникативного смягчения к снижению иллокутивной силы высказывания при одновременном сохранении его пропозиционального содержания, подчеркивала важную роль митигации в защите коммуникативного имиджа участников общения [14].

На основании изложенного можно заключить, что вежливость есть не что иное как универсальная категория, регулирующая межличностное общение, при этом прагматическая составляющая ее вербального и невербального выражения и способы репрезентации в рамках различных языков и культур будут обладать набором специфических черт. Более того, согласно Т.В.Лариной, различия в системах вежливости могут также касаться и отбора стратегий вежливости [9]. В этом понимании сходятся и российские ученые, включая И.А.Стернина и Е.А. Земскую [5]. Стернин подчеркивает, что в реальном общении вежливость необходимо изучать через речевой этикет [13, с.16].

Несмотря на то, что китайский и корейский языки не являются родственными языками, Китай и Корея на протяжении веков тесно взаимодействовали друг с другом на экономическом, политическом и социокультурном уровнях. Расцвет влияния конфуцианства, которое впоследствии стало ключевой государственной доктриной, регулирующей помимо этого также социальные отношения между членами общества пришелся на время правления династии Чосон, основанной в конце XIV в. При этом, следует, например отметить такой концепт как 의리 «ыйри» (вариант в ханча – “义理”), который отличает корейскую «версию» конфуцианства. Это своего рода моральный принцип, акцентирующий значимость верности, общественного блага над личным, единство, честность и чувство долга перед социумом и страной [8, с.78].

В словаре «Синьхуа» слово “拒绝” («отказ») определяется как оспаривание или несогласие с предложенной идеей или действием, которое может быть выражено на устном и письменном уровнях [15]. Варианты определений словосочетания “礼貌解决” «вежливый отказ» в китайских словарях различаются, однако они сходятся в том, что тот, кто отклоняет просьбу стремится проявлять такт и уважением, использовать смягчающие негативное воздействие формулировки. В «Стандартном словаре корейского языка» слово "거절" обозначает отклонение какого-либо запроса, приглашения или предложения [16]. Эта лексема относится к разным контекстам, включая бытовое общение и деловые переговоры. Согласно корейским словарям, роль вежливого отказа ("정중한 거절") заключается в нивелировании конфликтов и сведения к минимуму недовольства, вызванного отказом.

Теперь, когда мы установили ключевые аспекты концепта «отказа» в обоих языках, становится необходимым детально изучить типологию данного феномена, однако одна из очевидных проблем, с которой нам пришлось столкнуться – отсутствие единой классификации. В ходе исследования отдельное внимание привлекла типология отечественного лингвиста Б.И. Караджиева [6], которая явно перекликается с классификацией, предложенной психологом А.Г. Макеевой [12], есть только незначительные расхождения в названиях. Так прямой отказ по характеристикам идентичен конфликтному, отложенный – обещанию и т.д. Мы в свою очередь проанализировали типологию Б.И. Караджиева и сделали предположение о том, что компромиссный (альтернативный) и дипломатичный отказы являются подвидом отложенного.

Также, исходя из специфики объекта исследования, мы считаем нужным выделить отдельный тип – «отказ на комплимент», при котором работает конвенциональная установка реагировать несогласием, непринятием комплиментарных слов в свой адрес, что Гу Юй называет тактикой самоочернения [2, с.245]. Это связано с концептом скромности в традиционной китайской и ко-

рейской культуре, повышением статуса собеседника за счет понижения своего особенно если похвала исходит от старшего по социальной иерархии или возрасту.

Исходя из вышеизложенного, нам удалось выделить следующие типы вежливого речевого отказа: отложенный отказ (дипломатичный, альтернативный); сопереживающий (эмпатический) отказ: Квазиотказ (ложная и напускная форма отказа, относится к фатической форме коммуникации, скромный отказ на комплимент и обоснованный отказ. Далее приводится ряд выводов, которые были сделаны на основе сопоставительного анализа средств и форм выражения отказа в китайском и корейском языках в ситуациях отказа (были проанализированы порядка 100 диалогов из языковых корпусов [17,18] и учебников для изучающих корейский как иностранный [7]):

- в межличностном дискурсе обоих языков превалирует отложенный (альтернативный) тип отказа в сочетании с обоснованным. Обычным сценарием здесь становится объяснение отклонения просьбы или предложения, за которым следует компромиссный вариант, выраженный с помощью вопроса-апелляции (вопросительные окончания “怎么样/는 게 어때요”), что позволяет нам говорить об иллокутивном типе митигации. Также, следует отметить, что наличие обоснования причины отказа возможно необходимо для того, чтобы создать общий со слушателем контекст, который помог бы нейтрализовать возможные возражения собеседника;

- как квазиотказ, так и скромный отказ выполняют в основном фатическую роль в коммуникации, другими словами, представляют собой «наигранный», ложный отказ, который продиктован правилами речевого этикета (тактика скромности, самоочернения) и служит для поддержания позитивного имиджа говорящего. При этом, прагматические средства реализации речевых тактик разнятся: так, китайцы на комплимент, как правило, отвечают категорическим отказом, подчеркивая свою несостоятельность и некомпетентность, а ко-

рейцы обычно парируют встречным комплиментом, подчеркивая заслуги и достижения собеседника;

- наконец, если в китайском языке коммуникативное смягчение реализуется на уровне определенных лексем, речевых формул, то в корейском языке в зависимости от контекста, в котором разворачивается общение, говорящий выбирает определенный стиль, характеризующийся выбором конкретных грамматических и синтаксических форм. Так, рассмотренные нами примеры относятся к неофициально-вежливому стилю общения. Все это наталкивает нас на мысль о том, что в корейской межличностной коммуникации речевой этикет более проявлен, нежели в китайской.

Список литературы

1. Brown R., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge; 1978. P.28–30.
2. Gu Yu. Politeness Phenomena in Modern Chinese. *Journal of Pragmatics*. 1990; 14:237–257.
3. Гоффман Э. *Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ*. пер. с англ. А.М. Корбута; под ред. М.М. Соколова. Москва: Элементарные формы; 2017. 381 с.
4. Grice H. *Paul Logic and conversation*. in P. Cole and J. Morgan (eds). Syntax and Semantics 3: Speech Acts. New York: Academic Press; 1975. P. 41–58
5. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий. *Логический анализ языка: язык речевых действий*. – М.: Наука. 1994; 131–136
6. Караджев Б. И. *Адресация и адресат в процессах коммуникации*. М.; 2012. С. 74–88.
7. Куротченко К.Б., Леонов В., Швецов Ю.И. *Корейский язык: учебное пособие*. 1-е изд. Москва: КНОРУС; 2005. 253 с.
8. Кым Джантэ. *Конфуцианство в Корее*. Перевод: Ко Ен Чоль, Д.Е. Мартынов. Казань: Издательство Казанского университета; 2022. 182с.
9. Ларина Т. В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингво-культурных традиций*. М.: Языки славянских культур: Рукописные памятники Древней Руси; 2009. 507 с.
10. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London; 1983. 125p.
11. Макеева А.Г. Педагогическая профилактика наркотизма: Особенности и основные этапы. *Школьные технологии*. 2010; 100–113.
12. Matsumoto Yoshiko. Re-examination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese. *Journal of Pragmatics*. 1988;12 (4):403–426.
13. Стернин И.А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории. *Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория*. Воронеж: Истоки. 2003; 22–47.
14. Тахтарова С.С. *Категория коммуникативного смягчения (когнитивнодискурсивный и этнокультурный аспекты)*. Диссертация доктора филологических наук. Волгоград, 2010. 430 с.
15. Словарь иероглифов Синьхуа. Большая китайская энциклопедия, 3-е издание, электронная версия. URL: <https://www.zgbk.com/> [дата обращения 25.04.2025]
16. Корейско-русский учебный словарь. Национальный институт корейского языка. URL: <https://krdict.korean.go.kr/rus/mainAction> [дата обращения 15.04.2025].
17. BCC Corpus (语料库). Пекинский университет языка и культуры. URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/> [дата обращения 25.03.2025].

18. Корпус корейского языка. Национальный институт корейского языка. URL: <https://corpus.korean.go.kr/> [дата обращения 23.03.2025].

References

1. Brown R., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge; 1978. P.28–30.
2. Gu Yu. Politeness Phenomena in Modern Chinese. *Journal of Pragmatics*. 1990; 14:237–257.
3. Goffman E. *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings* Glencoe Free Press. Translated by A.M. Korbut; edited by M.M. Sokolov. Moscow: Elementary Forms; 2017. 381 p. (In Russ.)
4. Grice H. Paul Logic and conversation. in P. Cole and J. Morgan (eds). *Syntax and Semantics 3: Speech Acts*. New York: Academic Press; 1975. P. 41–58.
5. Zemskaya E. A. The category of politeness in the context of speech acts. *Logical analysis of language: the language of speech acts*. M.: Nauka. 1994; 131–136.
6. Karadzhhev B.I. Addressing and addressee in communication processes. M.; 2012. P. 74–88. (In Russ.)
7. Kurotchenko K.B., Leonov V., Shvetsov Yu.I. *Korean language: a tutorial*. 1st ed. Moscow: KNORUS; 2005. 253 p. (In Russ.)
8. Keum Jang-tae. *Confucianism in Korea*. Translated by Ko Young Cheol, D.E. Martynov. Kazan: Kazan University Publishing House; 2022. 182 p. (In Russ.)
9. Larina T.V. Category of politeness and communication style: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions. M.: Languages of Slavic cultures: Manuscript monuments of Ancient Rus, 2009. 507 p. (In Russ.)
10. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London; 1983. 125p.
11. Makeeva A.G. Pedagogical prevention of drug addiction: Features and main stages. *School technologies*. 2010;100–113. (In Russ.)
12. Matsumoto Yoshiko. Re-examination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese. *Journal of Pragmatics*. 1988;12 (4):403–426.
13. Sternin I.A. Problems of describing politeness as a communicative category. *Communicative behavior. Issue 17. Politeness as a communicative category*. Voronezh: Istoki. 2003; 22–47. (In Russ.)
14. Takhtarova S.S. *Category of communicative softening (cognitive-discursive and ethnocultural aspects)*. Diss. ... Doctor of Philological Sciences. Volgograd; 2010. 430 p. (In Russ.)
15. Xinhua Dictionary. The Great Chinese Encyclopedia, 3rd edition, online version. Available from: <https://www.zgbk.com/> [accessed: 05.05.2025]. (In Russ., In Chin.)
16. Korean-Russian educational dictionary. National Institute of the Korean Language. Available from: <https://krdict.korean.go.kr/rus/mainAction> [accessed: 05.05.2025]. (In Russ., In Kor.)
17. BCC Corpus (BCC 语料库 - Beijing Language and Culture University Corpus). Beijing Language and Culture University. Available from: <https://bcc.blcu.edu.cn/> [accessed 26.05.2026].
18. Corpus of the Korean Language. National Institute of the Korean Language. Available from: <https://corpus.korean.go.kr/> [accessed 23.03.2025].

Авторы публикации

Мирзиева Лейсан Рифхатовна –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: ch_leisang@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-0199-3871>

Семенова Аделина Леонидовна –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: deli96kzn@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-4198-7775>

Authors of the publication

Mirzieva Leisan Rifhatovna –
Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: ch_leisang@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-0199-3871>

Semenova Adelina Leonidovna –
Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: deli96kzn@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-4198-7775>

***Раскрытие информации о конфликте
интересов***

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29.05.2025

Одобрена после рецензирования: 15.07.2025

Принята к публикации: 27.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 29.05.2025

Approved after peer reviewing: 15.07.2025

Accepted for publication: 27.08.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.